

УДК 069.14(73-25)
ББК. 79.147.17(7Сое-2Вашингтон)
DOI 10.25281/2072-3156-2020-17-5-478-495

Б.Ч. ВЕРБ

КОЛЛЕКЦИЯ АЛЕКСАНДРА КУЛИСЕВИЧА В МЕМОРИАЛЬНОМ МУЗЕЕ ХОЛОКОСТА США

От редакции

Редакция журнала «Обсерватория культуры» представляет вашему вниманию первый опыт публикации статьи на двух языках — русском и английском. Решение отступить от традиционного формата издания было подсказано спецификой самого материала. В год 75-й годовщины окончания Второй мировой войны и освобождения узников Освенцима и Бухенвальда мы пригласили выступить на страницах журнала Брета Чарльза Верба (США) со статьей, целью которой является раскрытие фондов Мемориального музея Холокоста США в Вашингтоне и знакомство широкой читающей публики с музыкальной коллекцией произведений, созданных узниками немецких концентрационных лагерей. Статья написана на английском языке, а тексты произведений, о которых повествует автор, — на польском. Это обусловило одновременно и сложность, и интерес нашей работы: по завершении процесса рецензирования оригинальный текст статьи переведен на русский язык сотрудником международного отдела Российской государственной библиотеки (РГБ) М.В. Лебедевой, а литературный вариант перевода стихотворных произведений выполнен редактором отдела периодических изданий РГБ Е.Н. Волхонской и приближен к польскому оригиналу. Русский перевод также снабжен примечаниями от редакции.

Брет Чарльз Верб,

Мемориальный музей Холокоста США,
музыковед,
куратор по звукозаписям
100 Raoul Wallenberg Place SW, Вашингтон,
округ Колумбия, 20036, США

доктор философии
ORCID 0000-0002-1161-6762
E-mail: bwerb@ushmm.org

Реферат. Основатели Мемориального музея Холокоста США в Вашингтоне, округ Колумбия, предполагали, что он станет собранием исторических источников — материальных артефактов, письменных и устных свидетельств, фотографий и фильмов. В нем также значительный музыкальный архив, спасенный из нацистских гетто и концентрационных лагерей. Данная статья посвящена обзору отдельно взятой крупнейшей музейной музыкальной коллекции, принадлежащей выжившему в концентрационном лагере Александру Кулисевицу (1918–1982). Уроженец Кракова (Польша), на протяжении пяти лет находившийся в Заксенхаузене (Германия) как политзаключенный, А. Кулисевиц переживал этот опыт, с годами становясь все более и более одержим идеей сохранить и задокументировать тот репертуар, который его собратья-поляки и музыканты, авторы и артисты из разных стран создавали и исполняли в немецком плену. Коллекция, которую он собрал в последние десятилетия своей жизни, состоит из сотен песен, хоровых и инструментальных произведений, почерпнутых из мемуаров выживших узников, рукописей и многочисленных записанных интервью с бывшими заключенными. Около 70 000 страниц документов содержат художественные произведения, связанные с музыкой, биографические сведения о лагерных поэтах и композиторах, а также множество сопутствующих материалов. Помимо обзора коллекции, настоящая статья расскажет о культурной и интеллектуальной жизни А. Кулисевица в Польше во время Второй мировой войны, а также о его послевоенной карьере исполнителя песен, общественного деятеля и автора. Музыкальные иллюстрации взяты из архива звукозаписей Кулисевица, включая подборки из его собственной

серии автобиографических песен, написанных в Заксенхаузене. Автор приводит подборку музыкальных примеров, демонстрирующих ценность рассматриваемой коллекции как ресурса и необходимого источника для музыкантов и программистов, ищущих незамеченный ранее, но возрождаемый репертуар, а также для композиторов, вдохновленных на создание новых произведений на основе «спасенной» музыки, сохраненной в архиве музея.

Ключевые слова: Александр Кулисевиц, Мемориальный музей Холокоста США, Заксенхаузен, концентрационные лагеря, музыка, Вторая мировая война, сопротивление, политзаключенные, коллекции, архивы.

Для цитирования: Верб Б. Ч. Коллекция Александра Кулисевица в Мемориальном музее Холокоста США / [пер. с англ. М. В. Лебедева; текст на русс. и англ. яз.] // Обсерватория культуры. 2020. Т. 17, № 5. С. 478–495. DOI: 10.25281/2072-3156-2020-17-5-478-495.

Как штатный музыковед с большим стажем работы в Мемориальном музее Холокоста США в Вашингтоне (округ Колумбия) я провел бесчисленные часы, разбирая огромную музыкальную коллекцию из нацистских концентрационных лагерей, которую музей приобрел в Польше в 1990 году [1]. Этот кладезь музыки и связанные с музыкой артефакты названы по имени пережившего концлагерь составителя коллекции — Александра Кулисевица (1918–1982), сказавшего однажды: «Я пришел на эту землю, чтобы поделиться с вами болью...» с той же страстью, которую другие тратят на накопление золота [2]. Не возникает сомнений, что А. Кулисевиц был неординарной личностью и особенным человеком.

Он родился в Кракове в 1918 г. и провел в нем свое отрочество и юность, а также в городе Тешин (Цешин) — на юге Польши. Его мать, учительница музыки, умерла, когда Александру было всего три года; отец — писатель, драматург, поэт и фольклорист — преподавал классические языки в гимназии. Одаренный от природы музыкант и артист, А. Кулисевиц получил

Рис. 1. А. Кулисевиц в лагерной форме во время спектакля «Мусульманин» в Коммунальном оперном театре Болоньи. Италия, 1965.
Мемориальный музей Холокоста США. № 45829

Рис. 2. А. Кулисевиц (справа) во время концерта. Германия (?), ок. 1965.
Мемориальный музей Холокоста США. № 45823

довольно космополитичное воспитание: семья некоторое время жила в Венгрии и Чехословакии, и его исполнительский стиль уже с ранних лет стал отражать разнообразие культурных влияний. Ближе к 20 годам Александр посту-

пил в Ягеллонский университет на юридический факультет, но мир популярных развлечений всегда манил его, и между занятиями он пробовал себя то в работе артиста кабаре, то музыканта, то автора песен, то киноактера, то исполнителя художественного свиста и даже циркового клоуна [3].

Помимо интеллектуальных и творческих талантов, А. Кулисевица всегда отличало сильное врожденное недоверие к власти. К сожалению, годы его становления пришлось на период «золотого века» европейского авторитаризма — эпоху Муссолини, Сталина, Гитлера и других диктаторов.

А. Кулисевиц находился в Тешине с отцом, когда Германия вторглась в Польшу в сентябре 1939 года. Через месяц после падения страны в местной газете появилась сатирическая статья под названием «Доморощенный гитлеризм» (*Hitleryzm domorosły*). Несмотря на то, что она была опубликована под псевдонимом, рука А. Кулисевица легко узнавалась. В короткие сроки он был арестован, допрошен, подвергнут пыткам и заключен в тюрьму; позже его депортировали в концентрационный лагерь Заксенхаузен¹ (Ораниенбург, Германия) под Берлином [4, р. 47].

В Заксенхаузене А. Кулисевиц определил для себя роль всей своей жизни: он стал лагерным трубадуром, исполнителем, автором песен, а еще он был возмутителем спокойствия, отчаянным юродивым и навязчивым провокатором. Создается впечатление, что А. Кулисевиц, в молодости восхищавшийся артистами цирка и даже сбежавший из дома, чтобы самому присоединиться к цирковой труппе, не мог удержаться, чтобы не пройти по этому своеобразному туго натянутому «канату». Как он, должно быть, и предвидел, образ «юродивого» ставил его в двусмысленное положение «записного шута» перед командованием лагеря. Иногда могло показаться, что обе стороны, как ни странно, даже наслаждаются этими взаимоотношениями.

¹ Концентрационный лагерь Заксенхаузен (KZ Sachsenhausen) был создан нацистами в 1936 году. В нем проходили подготовку и переподготовку «кадры» для лагерей СС. В Заксенхаузене действовал подпольный комитет сопротивления, управлявшийся хорошо законспирированной организацией. — *Прим. ред.*

Рис. 3. Пластинки с записями А. Кулисевица, вышедшие в разных странах

Известно, что начальник медицинской части лагеря, возмущенный тем, что А. Кулисевиц устроил импровизированный концерт для своих товарищей по бараку, преднамеренно вводил ему возбудителей дифтерии. Цель состояла в том, чтобы разрушить его слух и парализовать голосовые связки, другими словами, — чтобы он физически не смог больше петь [5, р. 52]. Тем не менее, сочувствующие, находившиеся в лучшем положении в лазарете, каким-то образом сумели своевременно раздобыть противоядие. Как царь терпел своего шута, так и эсэсовцы решили, по словам А. Кулисевица, «позволить собаке петь», то есть позволить ему жить [4, р. 32]. Конечно, обе стороны понимали, что подобные «разрешения» легко отменяются.

Находясь в Заксенхаузене, А. Кулисевиц написал (по его собственным подсчетам) 54 песни на разные личные и злободневные темы. Его репутация «мастера памяти» с почти стопроцентной способностью запоминать была такова, что другие заключенные умоляли его запомнить их песни, поскольку надеялись, что так песни смогут пережить войну, даже если сами они не выживут.

А. Кулисевиц, конечно, выжил; он был освобожден 2 мая 1945 г. во время «марша смерти» из Заксенхаузена². Вскоре после этого, выздоравливая в госпитале в Кракове, он надиктовал одной из медсестер 716 страниц лагерных песен и стихов на нескольких языках, которые запомнил за долгие годы плена. Позднее он рассказывал, что медсестры были убеждены, будто он одержим злым духом, а врачи считали его сумасшедшим [4, р. 13].

² «Марши смерти» предполагали переброску узников из лагеря с целью их массового уничтожения. Отставших и обессиливших на марше расстреливали. «Марш смерти», о котором идет речь, начался 21 апреля 1945 г., но осуществить его нацистам не удалось: узников в начале мая освободили советские войска. — *Прим. ред.*

После войны А. Кулисевиц попытался жить нормальной жизнью. Он женился, создал семью, стал отцом и пробовал себя в разных профессиях, включая период работы в качестве специального корреспондента по культуре в Праге для одного польского периодического издания. Но все чаще он ловил себя на том, что постоянно думает о пережитом в лагере. И хотя это стоило ему брака и отдалило от детей, в конце концов, он уступил своей «одержимости» лагерным прошлым.

Он начал общаться с другими выжившими узниками, собирать материалы и проводить интервью, многие из которых сохранил в записи на магнитной ленте. Он составил огромную библиотеку литературы, связанной с художественным самовыражением интернационального контингента заключенных, и публиковал статьи в научных журналах о значении культуры в лагерях. Он вновь вернулся к выступлениям, гастролируя по Западной Европе и Советскому Союзу, а также совершая дальние поездки в Японию и Соединенные Штаты: с гитарой, точной копией полосатой лагерной формы и репертуаром, который называл «песнями со дна ада» (рис. 1–2). Кроме того, А. Кулисевиц записал несколько пластинок: «Песни концлагерей» (*Canti dei Lager*), Италия, 1966; «Песни из ада» (*Lieder aus der Hölle*), Германия, 1968; «Песни депортации» (*Chants de la DEPOR*), Франция, 1975; «Песни со дна ада» (*Songs from the Depth of Hell*), США, 1979 [6, р. 2] (рис. 3).

Публичные выступления и архивная деятельность А. Кулисевица давали реализацию его феноменальной и лишающей покоя способности запоминать и сохранять в памяти информацию, наполняли смыслом его жизнь и являлись ее целью. Он чувствовал, что, собирая и распространяя музыку лагерей, сохра-

няет память о товарищах известных и неизвестных, чьи страдания и судьба иначе были бы забыты.

А. Кулисевиц умер в Кракове 12 марта 1982 г. в возрасте 64 лет. Фундаментальный труд всей его жизни [7] «Польские лагерные песни, 1939–1945», или «Музыка и песни из нацистских лагерей» (*Polskie piesni obozowe, 1939–1945*), так и остался непринятым Польским государственным музыкальным издательством к печати. Этот памятник творчеству, рожденному в условиях тяжелейших испытаний, остается неопубликованным и по сей день.

И всё же 3000 страниц машинописного текста и несколько черновики, тексты песен и записи музыкальных произведений (домашние, полевые и радиозаписи), а также, как мы говорим, «нечто большее» можно найти в Мемориальном музее Холокоста США в Вашингтоне. Описание каталога доступно онлайн на веб-сайте музея [8]. Но я предпочитаю процитировать предварительную опись, подготовленную в Польше под руководством самого А. Кулисевица, чтобы передать глубину и особый характер этой коллекции:

Отдельных папок в архивах насчитывается около 800, в них содержится около 70 000 страниц документов, касающихся истории создания песен, хоровой музыки и инструментальных произведений. Сборник включает в себя более 620 песен польских концлагерей из 34 лагерей, около 200 песен, написанных в период с 1933 по 1945 год музыкантами и исполнителями других национальностей, и более 80 записей, касающихся лагерной инструментальной музыки польских композиторов. Сюда же включены несколько тысяч микрофильмированных и оригинальных записных книжек заключенных, дневников, гравюр, эскизов, набросков, фотографий и картин, связанных с музыкальной жизнью лагерей. Звуковая часть состоит из десятков тысяч метров бобин и кассет с польскими и иностранными лагерными песнями. Кроме того, в архив включены биографии авторов песен, поэтов-песенников, исполнителей и оркестрантов.

Наряду с этим списком А. Кулисевицем подготовлен проект предметного указателя, включающий следующие будоражащие память описательные заголовки:

- ◆ Подпольные музыкальные академии в лагерях;
- ◆ Санкционирование СС музыки и песен;
- ◆ Заключенные, участвовавшие в восстаниях, убитые во время пения;
- ◆ Специальные концерты для заключенных в палатах;
- ◆ Детские песни в лагерях;
- ◆ Послевоенная дискриминация этого репертуара, к сожалению, даже в Польше;
- ◆ Различные виды лагерных оркестров;
- ◆ Оргии под музыкальное сопровождение;
- ◆ Официально разрешенные песни;
- ◆ Саботирование песен;
- ◆ Слияние музыки с садистскими актами;
- ◆ Оперы, написанные в лагерях (...)
- <...> и др. [9].

Благодаря значительным усилиям А. Кулисевица по сбору материала, для коллекции было также получено множество документов, не связанных с музыкой, в том числе сообщаящих подробности о так называемой *Sonderaktion Krakau* (Специальной акции «Краков») — нацистских репрессиях ученых из Ягеллонского университета в ноябре 1939 г. и в других высших учебных заведениях Кракова. А. Кулисевиц встретился с выжившими после этой операции в Заксенхаузене, а впоследствии записал интервью и составил досье свидетельских показаний, подробно описывающих судьбы почти 200 краковских профессоров, лекторов и ученых [10].

В 2008 г. Мемориальный музей Холокоста США выпустил компакт-диск «Песни и баллады» (*Ballads and Broad-sides*) — рассказ о лагерном опыте А. Кулисевица в хронологической последовательности его автобиографических песен [11]. Альбом целиком находится в свободном доступе в Интернете; для целей настоящей статьи я приведу лишь краткий пример характерного стиля сочинения и исполнения А. Кулисевица.

Песня «Черный Бём» (*Czarny Böhм*) [12] напоминает об одном представителе Заксенхаузена, которого многие предпочли бы скорее забыть: Вильгельме Бёме (*Wilhelm Böhм*) из лагерного караула, по прозвищу Черный (*Czarny*) Бём. Его описывают как невысокого, сгорбленного, угрюмого брандмейстера, работника крематория, что и определяло его характерный, «обожженный» облик. По словам А. Кулисе-

Таблица 1

Czarny Böhm, текст А. Кулисевица

Czarny Böhm	Black Böhm	Черный Бём
Czy to w dzień, czy to w noc, Trupy wędzę—wesół, hoc! Puszczam czarny, czarny dym, Bom ja czarny, czarny Böhm.	Whether it's by night or day, I smoke corpses—jump for joy! I make a black black smoky smoke — Cause I am black black Böhm!	Будь то день, будь то ночь, Трупы жгу — весёл, охоч! Дым пускаю черный, черный — Ведь я черный, черный Бём!
I kobiety i staruszki, I dzieciaki chciałbym też, Sto kominów tu bym miał, So genau jak w Birkenau.	I'd like to burn some chicks and hags, Some kiddies, too, and how! I wish we had one hundred smokestacks, Like they have in Birkenau!	И старух, и молодух, И детей хотел бы сжечь, Будь тут сто дымящих труб, Да как в Биркенау ³ печь.
Hulaj dusza! Czort-Katiusza! Aber Juden sind nicht da! Jejku, bo w czterdzieści trzy I esmany bydą szły! Cha! Cha! Cha! Cha! Cha!	Oh, happy soul! Sending Russkies to hell! But still there are no Jews here; Oh my! Could be in '43 They'll send some SS-men to me! Hah, hah, hah, hah, hah!	Гуляй душа! Чёрт-Катюша! Но тут евреев нет пока! А ну как к сорок третьему Поступят и эсэсовцы! Ха, ха, ха, ха, ха!
Wtenczas zdrów i wtenczas hoc, Wędził bede w dzień i w noc. Tłusty, tłusty pójdzie dym, A z nim....czarny, czarny Böhm. Cha! Cha! Cha! Cha! Cha!	Soon, healthy, happy, and jumping for joy, We'll smoke by night and we'll smoke by day; We'll send up a big fat smoky smoke— We'll send up black black Böhm! Hah, hah, hah, hah, hah!	Тогда здоров, тогда охоч, Чадить я буду день и ночь. Густой повалит дым кругом, А с ним... и черный, черный Бём! Ха, ха, ха, ха, ха!
	<i>Перевод с польского языка на английский Барбары Милевски [11] предоставлен автором статьи. Аудио см.: [12]</i>	<i>Литературный перевод на русский язык, приближенный к польскому оригиналу, выполнен редактором Е.Н. Волхонской</i>

вича, Бём с таким энтузиазмом выполнял свою работу, что выкрикивал заключенным: «Идите к Бёму! Вы наверняка скоро придете ко мне, так почему бы и не сейчас?». Впоследствии А. Кулисевиц рассказывал, что Бём особенно «отличился» в 1941–42 гг., когда помог сжечь около 18 000 советских военнопленных, убитых в лагере [10, с. 1744].

Петь Czarny Böhm означало «нагло» высмеивать лагерного служащего: исполнение песни представляло смертельную угрозу как для певца, так и для его аудитории. А. Кулисевиц, конечно, осознавал этот факт, отмечая в своем авторском комментарии, что «любой, пойманный за исполнением этой песни, рисковал быть подвергнутым пыткам и казни от рук эсэсовцев». Невзирая на это, он исполнил ее в подпольном

«кабаре» узников в канун Нового 1942 года, и, несмотря на фактор риска, песня быстро стала популярной среди заключенных. Попутно демонстрируя свой неизменный интерес к региональной музыке, А. Кулисевиц наложил текст своей песни (табл. 1) на мелодию популярной украинской народной песни «И шумит, и гудит» [7, р. 1741–1742; 11, р. 31].

³ Биркенау (Birkenau) — немецкое название крупнейшего (и наиболее долго просуществовавшего) из нацистских лагерей уничтожения; один из трех основных лагерей, входивших в комплекс Освенцима (Auschwitz). Говоря об Освенциме, часто подразумевают Биркенау. Находился на территории дер. Бжезинка (Биркенау). Строительство началось осенью 1941 года. Сюда ежедневно поступали заключенные со всей Европы. Считается, что число жертв этого лагеря составило более миллиона человек. — Прим. ред.

Рис. 4. З. Карпинська. «Полосатые» (Pasiaki).
Записано Александром Кулисевичем.
[10, нумерованная с. 3]

Рис. 5. «Йозеф Кропиньски, героический композитор»
(Józef Kropiński, Bohaterski Kompozytor).
Фотография и очерк А. Кулисевича

Как уже упоминалось, А. Кулисевич собирал музыку и воспоминания бывших узников многих лагерей, как поляков, так и неполяков, но поляков было больше. Одной из его польских свидетельниц являлась Зофия Карпинська (Zofia Karpińska), родившаяся в 1908 г. во Львове и арестованная в Варшаве в 1942 году. Член подпольного сопротивления, З. Карпинська была отправлена сначала в Майданек⁴ (недалеко от Люблина), затем в Освенцим⁵ (г. Освенцим), а еще позже в женский концлагерь Равенсбрюк (около дер. Равенсбрюк,

ныне г. Фюрстенберг) и его подразделение в Фельтене (Бранденбург).

З. Карпинська обладала поэтическим талантом и использовала его, чтобы поднимать настроение другим заключенным и выражать их страхи и надежды. Ее стихотворение «Полосатые» (Pasiaki) — по ассоциации с полосатой лагерной формой — написано в Майданеке и положено на мелодию песни польских солдат времен Первой мировой войны⁶ (табл. 2). А. Кулисевич записал Pasiaki и сохранил общие сведения о создании музыки в Майданеке в интервью с З. Карпинской в январе 1962 г. [10, с. 1120] (рис. 4).

Такие песни, как Pasiaki, сообщают уникальные и многоговорящие детали музыкальным фольклористам и историкам этого периода, знакомым с контекстом их создания. Кроме того, коллекция А. Кулисевича явилась бесценным источником информации для «неспециалистов»: композиторов, аранжировщиков и

⁴ Майданек (Majdanek) — первоначально был устроен на окраине г. Люблин как трудовой лагерь для изоляции выступавших против оккупационной власти (летом 1941). Именно поэтому планировалось разместить его в черте города. Со второй половины 1942 г. был превращен в лагерь смерти (прежде всего для евреев и военнопленных). 22 июля 1944 г. Люблин и прилегающие территории были заняты войсками 1 Белорусского фронта.

⁵ Концентрационный лагерь и лагерь смерти Освенцим (польск. Oświęcim, нем. Auschwitz) — комплекс лагерей в Верхней Силезии, существовавший в 1940–1945 гг. около польского города Освенцим, присоединенного в 1939 г. к территории Третьего рейха. В мировой практике утвердилось немецкое название, в русскоязычной историографии — польское. День освобождения лагеря 27 января 1945 г. советскими войсками установлен ООН как Международный день памяти жертв Холокоста. — Прим. ред.

⁶ Вероятно, подразумевается одна из известнейших польских солдатских песен «Серая пехота» (Szara piechota), время создания которой, по общепринятой версии, относится к периоду Первой мировой войны. Интересно, что мотив, звучащий в «Кантате Холокоста», напоминает и знаменитую в России песню, известную по словам «Врагу не сдается наш гордый Варяг...», относящуюся к Русско-японской войне. — Прим. ред.

Таблица 2

Pasiaki, текст 3. Карпинської

Pasiaki	The Striped Ones	Полосатые
Wyniosła postawa, choć brzydka ich strój, na nogach niezgrabne chodaki— to bracia i siostry, to mąż może twój, pasiaki, pasiaki, pasiaki.	Their clothes veil the pride that now slumbers inside, The wooden shoes on their feet murmur sighs, They're brothers and sisters, they're husbands and wives, The striped ones, the prisoners marked with tripes.	Гордая стать, хоть наряд и негож, На ногах без размера колодки — То братья и сестры, а может, твой муж, Полоски, полоски, полоски.
Od świata koleczasty oddziela ich drut, strażnice i wachy i bramy, lecz wkrótce wolności dopełni się cud, tej chwili z otuchą czekamy.	The watchtowers and sentinels, the barbed wire and gates, That cut off the world from their sight, Cannot quell the hope that so patiently waits For freedom to find its way inside.	От мира колючий отрезал их жгут, Валы, и ворота, и вышки, Но верим: мгновенья святые грядут, И чудо свободы свершится.
Dziś wielkiej nauki nastąpił już czas, że dola dla wszystkich jednaka, niech żadne niechęci nie dzielą tu nas, my wszystkie więźniarki z Pawiaka.	This time is the time when the day lives in night, When fate's hand knows no tender plight, Let nothing divide us, let all here unite, For we are the women marked with stripes.	Сегодня пора нам урок затвердить, Что доля у всех одинакова, Не сможет пускай нас ничто разделить, Здесь каждая — узница Павяка ⁷ .
<i>Свободный перевод с польского языка на английский Денни Кларка [13] представлен автором статьи. Аудио см.: [14]</i>		<i>Литературный перевод на русский, приближенный к польскому оригиналу, выполнен редактором Е.Н. Волхонской</i>

программистов, заинтересованных в изучении репертуара нацистских лагерей.

Следующие три музыкальных примера показывают, как коллекция использовалась творческим сообществом. В 1997 г. композитор и дирижер Дональд Маккалоу (Donald McCullough) посетил музей в поисках исходного материала для создания памятной работы, которую он планировал написать для своего коллектива «Главный хор Вашингтона» (Master Chorale of Washington). После «погружения» (как он это назвал) в архив А. Кулисеви́ча и прослушивания сотен песен, он в конечном итоге выбрал семь — для аранжировки в музыкальное произведение под названием (на мой взгляд, не совсем точным) «Кантата Холокоста» (The Holocaust Cantata) [13]. Премьера состоялась в Вашингтоне в Центре исполнительских искусств им. Кеннеди в марте 1998 г., и с тех пор «Кантата Холокоста» неоднократно

⁷ Павяк (Pawiak) — название известной польской тюрьмы, построенной в Варшаве в 1830-х гг. (первоначально — уголовной, после восстания 1863 г. в Польше — и для политических заключенных). В годы оккупации Польши немцами (1939–1944) — главный тюремный центр генерал-губернаторства, где содержали жертв об-
лава, членов движения сопротивления, политических за-
ключенных, многие из которых после Павяка перенаправ-
лялись в концентрационные лагеря и на принудительные
работы. — Прим. ред.

Таблица 3

Smętna kolęda «Скорбная колядка», композитор Й. Кропиньски

Smętna kolęda	A Sad Carol	Скорбная колядка
Pójdźcie, więźniowie, na “zmarłych górze”, Jezus się rodzi maleńki! Matuli Jego w oczach łzy duże lśnią się, bo brak Mu sukienki. Osusz łzy matek, Boże Dziecino, niech się nie smuca, nie płaczą! Minie niedola, dni chłodu miną i w szczęściu dzień ten zobaczą. <...>	Go, prisoners, to the “burial mound” Jesus is born today, a tiny child! Welled-up tears glitter in his mamma’s eyes Because he has no gown to wear. Dry the tears of every mother, divine child, Let them not worry, let them not cry! Misery will pass, as will the cold days, And in happiness they will greet this day.	Ступайте, невольники, на мертвых гору — Младенец Иисус рождается! В глазах Его Матушки слезы горькие, Ибо нет для Него одеяния. Осуши слезы матерей, Божий Сыне, Пусть не печалются, пусть не плачут! Отступит скорбь, дни холодные минут, И этот день они встретят в счастье. <...>
<i>Перевод с польского языка на английский Барбары Милевски [11] предоставлен автором статьи. Аудио см.: [16]</i>		<i>Литературный перевод на русский язык, приближенный к польскому оригиналу, выполнен редактором Е.Н. Волхонской</i>

исполнялась по всей территории США. Среди песен, отобранных для нее Д. Маккалоу, была и Pasiaki [14].

По данным А. Кулисевича (замечавшего подобные вещи), самым трудолюбивым композитором из заключенных в нацистские концлагеря был его соотечественник Йозеф Кропиньски (Józef Kropiński). Й. Кропиньски (рис. 5) родился в 1913 г. в Берлине в семье поляков, вырос в городе Быдгощ (Bydgoszcz) в центральной Польше, где учился в местной консерватории, стал опытным органистом, скрипачом и музыкантом. Во время оккупации он был пойман на распространении антифашистских листовок, заключен в тюрьму, подвергнут пыткам и в ноябре 1941 г. депортирован в Освенцим. Талант и образование спасли ему жизнь: несмотря на ослабленное физическое состояние, он был назначен первым скрипачом и главным музыкальным переписчиком официального лагерного оркестра. Защищенный таким образом от суровых условий лагеря, он все свое редкое свободное вре-

мя использовал для сочинения музыкальных композиций на основе поэтических текстов, полученных от других заключенных.

В марте 1943 г. Й. Кропиньски был переведен из Освенцима в Бухенвальд⁸ (недалеко от Веймара, Германия). Культурный климат там резко контрастировал с климатом в Освенциме: подполье заключенных Бухенвальда было организовано очень сплоченно, и это позволяло им иногда открыто проводить свои театральные и концертные мероприятия. Й. Кропиньски работал на 11-часовой дневной смене, в его обязанности входило штопанье носков солдатам отступающего вермахта, но ночи остава-

⁸ Бухенвальд (Buchenwald) — один из крупнейших концентрационных лагерей на территории Германии, имевший 138 филиалов. 11 апреля 1945 г. в лагере вспыхнуло восстание при поддержке интернациональной подпольной организации, установившей связь с союзниками. Заключенным удалось захватить лагерь, который через несколько дней был полностью освобожден американскими войсками. В память об этом событии учрежден Международный день освобождения узников нацистских концлагерей.

лись свободными для создания музыкальных произведений. К моменту вынужденной эвакуации из лагеря в апреле 1945 г. он накопил поразительное количество произведений: песни, марши, танцы, оркестровые и камерные композиции, фортепианные пьесы, опера и оперетта, а также сотни аранжировок популярных песен и салонной музыки. При этом, после освобождения и до дня своей смерти (в возрасте всего 57 лет), Й. Кропиньски, так много занимавшийся творчеством в лагерях, никогда больше не сочинил ни одной ноты. Примерно из ста рукописей, которые ему удалось спасти из лагеря, большая часть просто исчезла со временем. Если бы А. Кулисевиц не фотографировал партитуры во время своих интервью с Й. Кропиньски, эта музыка была бы сегодня совершенно неизвестна [15].

Сейчас у наследия Й. Кропиньски есть надежный защитник в лице итальянского пианиста, дирижера и исследователя Франческо Лоторо (Francesco Lotoro), который поставил перед собой задачу документировать и записывать всю музыку, созданную в концлагерях во время Второй мировой войны. Для достижения этой благородной цели Ф. Лоторо в течение многих лет старательно изучал коллекцию А. Кулисевица. Теперь мы можем услышать две «Миниатюры Бухенвальда», песню и инструментальную работу, написанную и аранжированную на основе архивных фондов Ф. Лоторо. Они позволяют оценить творческий и стилистический диапазон Й. Кропиньски. По пометкам в партитуре «Скорбной колядки» [16] (табл. 3) можно предположить, что композитор задумывал исполнение ее для голоса и струнного квартета (рис. 6).

Более легким, развлекательным характером отличается другое музыкальное произведение, написанное И. Кропиньски на заказ, «Полька Зигмус» — (Polka Zygmus), вероятно, названная так по имени его товарища по заключению или по имени приятеля [17].

Наконец, я перейду к произведению выдающегося американского композитора Пола Шонфилда (Paul Schoenfield), родившегося в Детройте в 1947 году. Получив заказ написать памятную пьесу для камерного ансамбля, он посетил музыкальный архив музея, где его внимание привлекли авторские песни А. Кулисевица из Заксенхаузена. Итогом явилась сюита

Рис. 6. Й. Кропиньски. «Smętna Kolęda» («Скорбная колядка»). Рукопись с пометками. USHMM Kulisiewicz Collection RG-55.004*04 (Buchenwald Folders).

Мемориальный музей Холокоста США.
Коллекция Кулисевица RG-55.004 * 04
(Папки Бухенвальда)

Camp Songs («Лагерные песни») в пяти частях для кларнета, струнных, фортепиано и голосов (2003). В отличие от воплощения и аранжировки г-на Маккалоу и Ф. Лоторо, П. Шонфилд использует и выразительно интерпретирует первоисточники, создавая на основе песен А. Кулисевица, привязанных к конкретному временному периоду, произведение современной классической музыки.

В завершение этой статьи я приглашаю читателей вновь послушать и пережить макабрическое memento mori А. Кулисевица «Czarny Böhм» — на этот раз в более широком переосмыслении Пола Шонфилда [18].

Список источников

1. Aleksander Kulisiewicz collection, 1939–1986; Document // United States Holocaust Memorial Museum (USHMM). Accession Number: 1992.A.0034.1. RG Number: RG-55 URL: <https://collections.ushmm.org/search/catalog/irn546848> (дата обращения: 08.08.2020).
2. Kulisiewicz A. «Jak umierał moj głos» [JUM] : Aleksander Kulisiewicz sound recordings // United

- States Holocaust Memorial Museum (USHMM). USHMM RG-91.0202. JUM Series, tape 9A. Translation: Barbara Milewski. URL: <https://collections.ushmm.org/search/catalog/irn712176> (дата обращения: 08.08.2020).
3. *Milewski B., Werb B.* Aleksander Kulisiewicz [Электронный ресурс] // Music and the Holocaust : портал. URL: <http://holocaustmusic.ort.org/fr/places/camps/centraleurope/sachsenhausen/kulisiewiczaleksander/> (дата обращения: 08.08.2020).
 4. *Strzelewicz K.* Zapis : Opowieść Aleksandra Kulisiewicza. Krakow : Krajowa Agencja Wydawnicza, 1984. 216 p.
 5. *Woods W.* Poland: Eagle in the East: a Survey of Modern Times. New York : Hill and Wang, 1968, 272 p.
 6. Songs from the Depths of Hell sung in German, Polish, Ukrainian, Yiddish by Aleksander Kulisiewicz: [album] / Liner Notes by P. Wortsman. Folkways FSS 37700, 1979. 16 p. URL: https://folkways-media.si.edu/liner_notes/folkways/FW37700.pdf (дата обращения: 08.08.2020).
 7. *Kulisiewicz A.* Polskie piesni obozowe, 1939–1945 : unpublished typescript // United States Holocaust Memorial Museum (USHMM). Aleksander Kulisiewicz Collection. P. 1980.
 8. Aleksander Kulisiewicz collection, 1939–1986 // United States Holocaust Memorial Museum (USHMM). RG-55. 97 boxes. URL: <https://collections.ushmm.org/search/catalog/irn546848> (дата обращения: 08.08.2020).
 9. Aleksander Kulisiewicz Collection // United States Holocaust Memorial Museum (USHMM). M series : Research Materials. Accession number: 1992.A.0034. Translation by Krzysztof Kulisiewicz.
 10. Aleksander Kulisiewicz Collection // United States Holocaust Memorial Museum (USHMM). USHMM RG-55.011*01 : Documents relating to “Sonderaktion Krakau”.
 11. Ballads and Broad-sides. Songs from Sachsenhausen Concentration Camp, 1940–1945 by Aleksander Kulisiewicz : [album] / Liner Notes by B. Milewski, B. Werb. Washington : United States Holocaust Memorial Museum, 2008. P. 31.
 12. Czarny Böhm : Aleksander Kulisiewicz with unidentified accordionist [аудиозапись] // United States Holocaust Memorial Museum : Music of the Holocaust : Highlights from the Collection. URL: <https://www.ushmm.org/exhibition/music/detail.php?content=bohmm> (дата обращения: 08.08.2020).
 13. The Holocaust Cantata [Электронный ресурс] // Donald McCullough : персональный сайт. URL: <https://www.donaldmccullough.com/products/holocaust-cantata-songs-from-the-camps/> (дата обращения: 08.08.2020).
 14. The Striped Ones : [аудиозапись] // The Holocaust Cantata : Songs from the Camps. Master Chorale of Washington Chamber Singers. Director: Donald McCullough. Albany Records, 2006, URL: <https://www.youtube.com/watch?v=0zInOpoatbY> (дата обращения: 08.08.2020).
 15. *Milewski B.* More Music for the Kinohalle! Józef Kropiński's Compositions in the Buchenwald Concentration Camp [Электронный ресурс] // The OREL Foundation: сайт. URL: http://orel foundation.org/journal/journalArticle/more_music_for_the_kinohalle (дата обращения: 08.08.2020).
 16. Smętna Kolęda : [аудиозапись] / Encyclopedia of Music composed in Concentration Camps (1933–1935). Director: Francesco Lotoro. // KZ Musik, Vol. 11. Musikstrasse, 2008. URL: https://www.youtube.com/watch?v=5eVT_ckimbc (дата обращения: 08.08.2020).
 17. Polka Zygmus: [аудиозапись] / Laura Aprile, Claudio Rotundi, Giuseppe Rutigliano, Daniele Miatto; director: Francesco Lotoro // KZ Musik, Vol. 9. Musikstrasse, 2008. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=AnsNJHoCrIU> (дата обращения: 08.08.2020).
 18. Black Boehm : from Camp Songs by Paul Schoenfeld: [Электронный ресурс] // Erich Parce, baritone and MOR ensemble. Live performance (October 7, 2019. Seattle, Washington). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=cYBUTSsO2BI> (дата обращения: 08.08.2020).
- Перевод: **Мария Владимировна Лебедева**,
 Российская государственная библиотека,
 международный отдел,
 сектор протокола и проектов,
 главный библиотекарь
 Воздвиженка ул., д. 3/5, Москва, 119019, Россия
 E-mail: LebedevaMV@rsl.ru

THE ALEKSANDER KULISIEWICZ COLLECTION AT THE UNITED STATES HOLOCAUST MEMORIAL MUSEUM: AN INTRODUCTION

Editorial note

Editorial Board of the “Observatory of culture” journal presents to your attention its first experience of publishing an article in two languages — Russian and English. Decision to deviate from the traditional publication format was prompted by the specifics of the material itself. In the year of the 75th anniversary of the end of World War II and liberation of the prisoners of Auschwitz and Buchenwald, we invited Bret Charles Werb (USA) to present on the pages of the journal an article aimed at revealing the collections of the US Holocaust Memorial Museum in Washington and introducing the general reading public to the musical collection of works created by prisoners of German concentration camps. The article is written in English, and the texts of the works narrated by the author are in Polish. This caused both the complexity and interest of our work: after the review process was completed, the original text of the article was translated into Russian by M.V. Lebedeva, senior librarian of the International Department of the Russian State Library, and the literary version of the poems translation was made by the editor E.N. Volkhonskaya and approximated to the Polish original. The Russian translation is also supplemented with editor notes.

Bret Charles Werb,

United States Holocaust Memorial Museum,
100 Raoul Wallenberg Place SW Washington DC
20036, USA
ORCID 0000-0002-1161-6762
E-mail: bwerb@ushmm.org

Abstract. *Envisioned by its founders as a storehouse of historical evidence — material artifacts, written and oral testimonies, photographs and films — the U.S. Holocaust Memorial Museum in Washington DC is the repository of a significant archive of music salvaged from the Nazi ghettos and camps. This paper focuses on the Museum’s single largest music collection, that of the Polish camp survivor Aleksander Kulisiewicz (1918–1982). A native of Kraków, Poland, who spent over five years as a political prisoner in Sachsenhausen, Kulisiewicz in later life grew obsessed with documenting the repertoire that his fellow Poles and an international cadre of musicians,*

authors, and artistes created and performed while captives of the Germans. The collection he amassed during his final decades consists of hundreds of songs, choral works and instrumental pieces gathered from survivor memoirs, manuscripts, and multiple recorded interviews with former inmates. Approximately 70,000 pages of documentation encompass music-related artworks, biographical details of camp poets and composers, and copious additional corroborating material. Apart from providing an overview of the collection, the paper will discuss Kulisiewicz’s cultural and intellectual background in interwar Poland, and postwar career as a performer, activist and author. Music illustrations will be drawn from Kulisiewicz’s archive of sound recordings, including selections from his own series of autobiographical songs written in Sachsenhausen. A final set of musical examples demonstrates the collection’s utility as a resource for musicians and programmers seeking overlooked, yet revivable repertoire, and for composers

inspired to create new works based on “rescued” music preserved in the Museum’s archive.

Key words: Aleksander Kulisiewicz; United States Holocaust Memorial Museum; Sachsenhausen; Concentration Camps; Music; World War II; Resistance; Political Prisoners; Collections; Archives.

Citation: Werb B.Ch.; Lebedeva M.V. (transl. into Russ.) The Aleksander Kulisiewicz Collection at the United States Holocaust Memorial Museum: An Introduction, *Observatory of Culture*, 2020, vol. 17, no. 5, pp. 478–495. DOI: 10.25281/2072-3156-2020-17-5-478-495 (in Russ. and Eng.).

As the longtime staff musicologist at the United States Holocaust Memorial Museum in Washington DC I have spent uncounted hours working in and around an enormous collection of music from the Nazi concentration camps that the Museum acquired in Poland in 1990 [1]. This trove of music and music-related artifacts is named for its compiler, Aleksander Kulisiewicz, a camp survivor who once declared “I came to this earth to share with you pain ... [w]ith the same passion others use to hoard their gold” [2]. Without question, Kulisiewicz was a strange and singular human being.

He was born in Kraków in 1918 and spent his youth and adolescence there and in the southern Polish town of Cieszyn. His mother, a music teacher, died when he was only three; his father, an occasional writer, playwright, poet, and folklorist, taught classical languages at the gymnasium level. Innately gifted as a musician and entertainer, Kulisiewicz had a comparatively cosmopolitan upbringing — the family lived for a while in Hungary and Czechoslovakia — and from an early age his performing style began to reflect a diversity of cultural influences. In his late teens he entered Jagiellonian University as a law student, but the world of popular entertainment always beckoned, and between classes he worked variously as a cabaret artiste, musician, songwriter, film actor, “artistic whistler” and circus clown [3].

Alongside his intellectual and creative talents, Kulisiewicz always nurtured a strong and inherent distrust of authority. So it was his particular misfortune that his formative years coincided precisely with the “Golden Age” of European authoritarian-

ism — the era of Hitler, Stalin, Mussolini and other regional despots.

Kulisiewicz was staying with his father in Cieszyn when Germany invaded Poland in September 1939. Within a month of the country’s fall, a satirical item entitled “Hitleryzm domorosły” (Homegrown Hitlerism) appeared in of local press. Although published pseudonymously, Kulisiewicz’s hand was quickly recognized. In short order he was arrested, interrogated, tortured and jailed; and in due course he was deported to the concentration camp Sachsenhausen, near Berlin [4, p. 47].

At Sachsenhausen, Kulisiewicz created for himself the role of a lifetime. He became a camp troubadour — poet, performer, songwriter — but also gadfly, risk-taker, Holy Fool, and compulsive provocateur. It seems that Kulisiewicz, who admired circus performers, and who as a young man had actually run off to join a circus, could not resist walking this particular tightrope. As he must have foreseen, his “Holy Fool” routine placed him in a perverse vis-à-vis with the camp command. Oddly enough, both sides sometimes seemed to relish the relationship.

The story goes that the director of the camp medical unit, outraged that Kulisiewicz had performed an impromptu recital for his barracks-mates, had him deliberately injected with diphtheria pathogens. The objective was to destroy his hearing and paralyze his vocal cords — in other words, to make it physically impossible for him to sing [5, p. 52]. Yet well-placed sympathizers at the infirmary somehow managed to provide a timely antidote. As the Tsar tolerated his Fool, so the SS decided to (in Kulisiewicz’s words) “let the dog sing” — that is, to permit him to live [4, p. 32]. Of course, both parties understood that such dispensations were easily revoked.

While at Sachsenhausen, Kulisiewicz wrote (according to his own tally) fifty-four songs on a range of personal and topical themes. His reputation as a “memory artist” with near-total recall was such that other prisoners beseeched him to memorize their songs as well — songs they hoped might survive the war even if they themselves did not.

Kulisiewicz, of course, did survive; he was liberated on May 2, 1945, during a death march from Sachsenhausen. Not long afterward, while recuperating at a hospital in Kraków, he dictated to one of the nurses 716 pages of camp songs and poems in

multiple languages he had committed to memory during his long years of captivity. He later reported that the nurses were convinced he was possessed by a demon, while his doctors believed him to be a madman [4, p. 13].

After the war, Kulisiewicz attempted to lead a normal life. He married, started a family, and tried his hand at various jobs, including a stretch as the Prague-based cultural affairs correspondent for a Polish periodical. But ever more frequently he caught himself dwelling on his experiences as a prisoner in the camp. And although it cost him his marriage and estranged him from his children, he ultimately yielded to his obsession.

He began communicating with other survivors, collecting materials and conducting interviews, many of which he preserved on magnetic tape. He compiled a massive library of literature related to the artistic expressions of an international cadre of inmates, and contributed articles to academic journals on the meaning of culture in the camps. He again returned to performing, touring to Western Europe and the Soviet Union, as well as to distant venues in Japan and the United States, with his guitar, replica striped uniform, and repertoire of what he termed “songs from the depths of hell” (see images 1–2). Kulisiewicz also launched a recording career, releasing long-play albums: *Canti dei Lager* (Italy, 1966); *Lieder aus der Hölle* (Germany, 1968); *Chants de la déportation* (France, 1975); *Songs from the Depths of Hell* (USA, 1979) [6] (see image 3).

Kulisiewicz’s performing and archiving missions offered an outlet for his prodigious and disturbing powers of recall, and lent purpose and focus to his life. He felt that by collecting and disseminating the music of the camps he was safeguarding the memories of comrades known and unknown whose sufferings and fate would otherwise be forgotten. He died in Kraków on March 12, 1982, aged 64, with his magnum opus [7], *Polskie pieśni obozowe, 1939–1945* (“Songs of Polish Prisoners,” or alternatively, “Music and Songs from the Nazi Camps”), rejected by the Polish State Music Publisher. This monument to creativity in adversity remains unpublished to this day.

However, the 3,000 page typescript and several draft versions, the song texts and music transcriptions, the home, field and radio recordings, and, as we say, much much more, can be accessed at the Holocaust Memorial Museum in Washington

DC. A catalogue description is available online at the Museum’s website [8]. But to communicate the depth and special nature of this collection I prefer to cite from the preliminary inventory prepared in Poland under Kulisiewicz’s supervision:

Individual folders in the archives number approximately 800, with about 70,000 pages of documentation concerning the origins of songs, choral music, and instrumental works. The Collection includes over 620 Polish concentration camp songs from 34 individual camps, approximately 200 songs written between 1933–1945 by all other nationalities, and over 80 entries concerning camp instrumental music by Polish composers. Included also are several thousand microfilmed and original prisoner notebooks, diaries, prints, sketches, photographs and paintings related to the musical life of the camps. The audio portion consists of tens of thousands of meters of open reel and cassette tape with Polish and foreign language concentration camp songs. Also included within the archives are biographies of songwriters, lyricists, performers and orchestra members.

Alongside this listing is a draft of the subject-index Kulisiewicz prepared, which includes such evocative descriptive headings as:

- ◆ Clandestine Music Academies in the Camps;
 - ◆ SS Approbation for Music and Songs;
 - ◆ Prisoners Participating in Rebellions Killed While Singing;
 - ◆ Special Concerts Organized for the Inmates in the Sick Room;
 - ◆ Children’s Songs in the Camps;
 - ◆ Post-War Discrimination of this Repertory Unfortunately Even in Poland;
 - ◆ Different Kinds of Camp Orchestras;
 - ◆ Orgies Carried Out to the Accompaniment of Music;
 - ◆ Songs Officially Permitted;
 - ◆ Sabotage Songs;
 - ◆ Music Merging with Sadistic Acts;
 - ◆ Operas Written in the Camps...
- And so on [9].

I should note that Kulisiewicz’s expansive collecting efforts yielded a good deal of documentation unrelated to music, including details about the so-called *Sonderaktion Krakau* — the November 1939 Nazi purge of academics from Jagielloonian University and other area institutions of high-

er learning. Kulisiewicz encountered survivors of the *Aktion* at Sachsenhausen, and later conducted interviews and compiled a dossier of testimony detailing the fates of nearly 200 Cracovian professors, lecturers and scholars [10].

In 2008, the Holocaust Memorial Museum issued the CD *Ballads and Broad­sides*, a narrative of Kulisiewicz’s camp experiences told through a chronological sequence of his self-performed autobiographical songs [11]. The entire album is freely available online; for present purposes I will offer a single, brief illustration of Kulisiewicz’s distinctive writing and performing style.

The song “Czarny Böhm” [12] commemorates a Sachsenhausen personality many would consider best forgotten: the camp guard Wilhelm Böhm, nicknamed “Czarny”— that is, “Black” — Böhm. Described as short, hunchbacked and sour-faced, he was a *Brandmeister*, a cremation specialist, an occupation that lent a distinctive charred appearance to his person. According to Kulisiewicz, Böhm

was so enthusiastic about his job that he would call out to the prisoners: “Come to Böhm! You will surely be coming my way soon, so why not now?”. He further reports that Böhm particularly distinguished himself in 1941–42, when he helped incinerate some 18,000 Soviet POWs murdered at the camp [10, p. 1744].

To sing “Czarny Böhm” was to brazenly ridicule a camp official; the song thus posed an existential threat to singer and audience alike. Kulisiewicz recognized this fact, of course, noting in his author’s commentary that “anyone caught performing this song risked torture and execution at the hands of the SS”. He nonetheless performed it at a clandestine inmate “cabaret” on New Year’s Eve, 1942, and despite the risk factor it quickly became popular among the prisoners.

Incidentally demonstrating his abiding interest in regional music, Kulisiewicz set his text (see Table 1) to the melody of a popular Ukrainian folk song, “E Shumyt e Hudyt” [7, pp. 1741–1742; 11, p. 31].

Table 1

Czarny Böhm, text by A. Kulisiewicz

Czarny Böhm	Black Böhm
Czy to w dzień, czy to w noc, Trupy wędę—wesół, hoc! Puszczam czarny, czarny dym, Bom ja czarny, czarny Böhm. I kobiety i staruszki, I dzieciaki chciałbym też, Sto kominów tu bym miał, So genau jak w Birkenau. Hulaj dusza! Czort-Katiusza! Aber Juden sind nicht da! Jejku, bo w czterdzieści trzy I esmany bydą szły! Cha! Cha! Cha! Cha! Cha! Wtenczas zdrów i wtenczas hoc, Wędził bede w dzień i w noc. Thusty, thusty pójdzie dym, A z nim....czarny, czarny Böhm. Cha! Cha! Cha! Cha! Cha!	Whether it’s by night or day, I smoke corpses—jump for joy! I make a black black smoky smoke— ‘Cause I am black black Böhm! I’d like to burn some chicks and hags, Some kiddies, too, and how! I wish we had one hundred smokestacks, Like they have in Birkenau! Oh, happy soul! Sending Russkies to hell! But still there are no Jews here; Oh my! Could be in ‘43 They’ll send some SS-men to me! Hah, hah, hah, hah, hah! Soon, healthy, happy, and jumping for joy, We’ll smoke by night and we’ll smoke by day; We’ll send up a big fat smoky smoke— We’ll send up black black Böhm! Hah, hah, hah, hah, hah!
— translation from the Polish by Barbara Milewski [11]. Audio is available at [12].	

As already mentioned, Kulisiewicz collected music and testimony from survivors of a great many camps, both Poles and non-Poles — but mainly Poles. One of his female Polish informants was Zofia Karpińska, born in Lwów in 1908 and arrested in Warsaw in 1942. A member of the underground resistance, Karpińska was sent first to Majdanek, near Lublin, then to Auschwitz, and still later to the forced-labor camps Ravensbrück and Velten.

Karpińska had a knack for poetry and deployed her talent to raise the spirits of other inmates and give voice to their fears and hopes. Her poem “Pasiaki” (“The Striped Ones” — referring to the striped camp uniform), written in Majdanek, is set to the tune of a Polish soldiers’ song from the First World War (see Table 2). Kulisiewicz collected “Pasiaki,” and gathered general details about music making at Majdanek, when he interviewed Karpińska in January of 1962 [7, p. 1120] (see image 4).

Songs such as “Pasiaki” offer unique and telling details to music folklorists and period historians already familiar with the contexts of their creation; yet the Kulisiewicz Collection has also been an invaluable resource for non-specialist composers, arrangers and programmers interested in exploring the repertoire of the Nazi prison camps. The remaining three musical examples illustrate some ways in which members of the creative community have put the collection to use.

In 1997, the choir director Donald McCullough visited the Museum seeking source material for a commemorative work he planned to write for his ensemble, the Master Chorale of Washington DC. After “immersing” himself (as he put it) in the Kulisiewicz archive and playing through hundreds of songs, he ultimately chose seven items to arrange into a composition entitled (not entirely accurately, in my opinion) *The Holocaust Cantata* [13]. The work premiered at the Kennedy Center for the Performing Arts in Washington in March 1998 and has since had numerous hearings across the United States. Among the songs McCullough chose for the suite was “Pasiaki” [14].

According to Kulisiewicz, who kept track of such things, the most industrious composer imprisoned in the Nazi camps was his compatriot Józef Kropiński (see image 5). Born to Polish parents in Berlin in 1913, Kropiński was raised in the central Polish city of Bydgoszcz, where he trained at the local conservatory and developed into an accomplished organist, violinist, and overall musician. During the occupation, he was caught distributing antifascist leaflets, imprisoned, tortured, and in November 1941 deported to Auschwitz. There, his talent and training spared him his life: despite his debilitated physical condition he was appointed first violinist and chief music copyist of the official camp orchestra. Now shielded from

Table 2

Pasiaki, text by Z. Karpińska

Pasiaki	The Striped Ones
Wyniosła postawa, choć brzydka ich strój, na nogach niezgrabne chodaki — to bracia i siostry, to mąż może twój, pasiaki, pasiaki, pasiaki. Od świata kolczasty oddziela ich drut, strażnice i wachy i bramy, lecz wkrótce wolności dopełni się cud, tej chwili z otuchą czekamy. Dziś wielkiej nauki nastąpił już czas, że dola dla wszystkich jednaka, niech żadne niechęci nie dzielą tu nas, my wszystkie więźniarki z Pawiaka.	Their clothes veil the pride that now slumbers inside, The wooden shoes on their feet murmur sighs, They’re brothers and sisters, they’re husbands and wives, The striped ones, the prisoners marked with stripes. The watchtowers and sentinels, the barbed wire and gates, That cut off the world from their sight, Cannot quell the hope that so patiently waits For freedom to find its way inside. This time is the time when the day lives in night, When fate’s hand knows no tender plight, Let nothing divide us, let all here unite, For we are the women marked with stripes.
— <i>freely translated from the Polish by Denny Clark</i> [13]. <i>Audio is available at</i> [14].	

Table 3

Smętna kołęda, music by J. Kropiński

Smętna kołęda	A Sad Carol
Pójdźcie, więźniowie, na “zmarłych górze”, Jezus się rodzi maleńki! Matuli Jego w oczach łzy duże lśnią się, bo brak Mu sukienki. Osusz łzy matek, Boże Dziecino, niech się nie smućą, nie płaczą! Minie niedola, dni chłodu miną i w szczęściu dzień ten zobaczą. <...>	Go, prisoners, to the “burial mound” Jesus is born today, a tiny child! Welled-up tears glitter in his mamma’s eyes Because he has no gown to wear. Dry the tears of every mother, divine child, Let them not worry, let them not cry! Misery will pass, as will the cold days, And in happiness they will greet this day.
— translation from the Polish by Barbara Milewski. Audio is available at [16].	

the camp’s harshest conditions, he made use of his scarce spare time to compose musical settings of poetic texts received from other inmates.

In March 1943, Kropiński was transferred from Auschwitz to Buchenwald, near Weimar, Germany. The cultural climate there contrasted starkly with that at Auschwitz; indeed, Buchenwald’s tightly-organized prisoner underground made it possible for inmates to occasionally openly stage their own theatrical and concert events. Kropiński still put in an 11-hour daily work shift — his chores included mending socks for the retreating Wehrmacht—but his nights remained free for composition. By the time of his forced evacuation from the camp in April 1945, he had piled up an astonishing body of work: songs, marches, dances, orchestral and chamber compositions, piano pieces, an opera and an operetta, and hundreds of arrangements of popular songs and salon music.

Yet after liberation and until the day he died, aged just 57, Kropiński, so prolifically creative in the camps, never composed another note of music. Of the 100 or so manuscripts he managed to salvage from the camp, most simply disappeared over time. Had not Kulisiewicz photographed these scores during his interviewing sessions with Kropiński, this music would be completely unknown today [15].

Kropiński currently has a formidable advocate in the person of the Italian pianist, conductor and researcher Francesco Lotoro, who has made it his mission to document and record the entire corpus of music created in the prisoner camps of WWII.

In pursuit of this imposing goal, Lotoro has for years diligently mined the Kulisiewicz Collection. For a sampling of Kropiński’s facility and stylistic range, we can now hear two “Buchenwald miniatures,” a song and an instrumental work, realized and arranged from archival holdings by Mr. Lotoro. A detail toward the bottom of the score of “Smętna Kołęda” [16] (see Table 3) suggests that Kropiński envisioned a performance by voice and string quartet (see image 6).

This second piece is an example of the lighter, escapist fare Kropiński would write to order: “Polka Zygmus”, probably named for a fellow inmate or comrade [17].

Finally, I will turn to a work by the distinguished American composer, Paul Schoenfield, who was born in Detroit in 1947. Commissioned to write a commemorative piece for chamber ensemble, Schoenfield visited the Museum’s music archive and was drawn to Kulisiewicz’s original songs from Sachsenhausen. The eventual result was *Camp Songs* (2003), a five-movement suite for clarinet, strings, piano and voices. In contrast to the realizations and arrangements by Messrs. McCullough and Lotoro, Schoenfield both alludes to and expressively interprets his source material, transfiguring Kulisiewicz’s timebound songs into a work of contemporary art music.

To conclude this presentation I will reprise Kulisiewicz’s macabre memento mori, “Czarny Böhm”— this time as expansively reimagined by Paul Schoenfield [18].

References

1. Aleksander Kulisiewicz collection, 1939–1986; Document, United States Holocaust Memorial Museum (USHMM), accession Number: 1992.A.0034.1, RG Number: RG-55. Available at: <https://collections.ushmm.org/search/catalog/irn546848> (accessed 08.08.2020).
2. Kulisiewicz A. “Jak umierał moj głos” [JUM] : Aleksander Kulisiewicz sound recordings, *United States Holocaust Memorial Museum (USHMM)*. USHMM RG-91.0202. JUM Series, tape 9A. Translation: Barbara Milewski. Available at: <https://collections.ushmm.org/search/catalog/irn712176> (accessed 08.08.2020).
3. Milewski B., Werb B. Aleksander Kulisiewicz, *Music and the Holocaust : portal*. Available at: <http://holocaustmusic.ort.org/fr/places/camps/centraleurope/sachsenhausen/kulisiewiczaleksander/> (accessed 08.08.2020).
4. Strzelewicz K. *Zapis : Opowieść Aleksandra Kulisiewicza*. Krakow : Krajowa Agencja Wydawnicza, 1984. 216 p.
5. Woods W. *Poland: Eagle in the East: a Survey of Modern Times*. New York : Hill and Wang, 1968, 272 p.
6. *Songs from the Depths of Hell sung in German, Polish, Ukrainian, Yiddish* by Aleksander Kulisiewicz: [album] / Liner Notes by P. Wortsman. Folkways FSS 37700, 1979. 16 p. Available at: https://folkways-media.si.edu/liner_notes/folkways/FW37700.pdf (accessed 08.08.2020).
7. Kulisiewicz A. Polskie piesni obozowe, 1939–1945 : unpublished typescript, *United States Holocaust Memorial Museum (USHMM)*. Aleksander Kulisiewicz Collection. P. 1980.
8. Aleksander Kulisiewicz collection, 1939–1986, *United States Holocaust Memorial Museum (USHMM)*. RG-55. 97 boxes. Available at: <https://collections.ushmm.org/search/catalog/irn546848> (accessed 08.08.2020).
9. Aleksander Kulisiewicz Collection, *United States Holocaust Memorial Museum (USHMM)*. M series : Research Materials. Accession number: 1992.A.0034. Translation by Krzysztof Kulisiewicz.
10. Aleksander Kulisiewicz Collection, *United States Holocaust Memorial Museum (USHMM)*. USHMM RG-55.011*01 : Documents relating to “Sonderaktion Krakau”.
11. Kulisiewicz A. *Ballads and Broadside. Songs from Sachsenhausen Concentration Camp, 1940–1945*. Liner Notes by B. Milewski, B. Werb. Washington : United States Holocaust Memorial Museum, 2008. P. 31.
12. Czarny Böhm : Aleksander Kulisiewicz with unidentified accordionist, *United States Holocaust Memorial Museum: Music of the Holocaust : Highlights from the Collection*. Available at: <https://www.ushmm.org/exhibition/music/detail.php?content=bohms> (accessed 08.08.2020).
13. The Holocaust Cantata, *Donald McCullough, website*. Available at: <https://www.donaldmccullough.com/products/holocaust-cantata-songs-from-the-camps/> (accessed 08.08.2020).
14. The Striped Ones, *The Holocaust Cantata : Songs from the Camps. Master Chorale of Washington Chamber Singers*. Director: Donald McCullough. Albany Records, 2006. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=0zInOpoatbY> (accessed 08.08.2020).
15. Milewski B. More Music for the Kinohalle! Józef Kropiński's Compositions in the Buchenwald Concentration Camp, *The OREL Foundation: site*. Available at: http://orel.foundation.org/journal/journalArticle/more_music_for_the_kinohalle (accessed 08.08.2020).
16. Smętna Kołęda, *Encyclopedia of Music composed in Concentration Camps (1933–1935)*. Director: Francesco Lotoro. *KZ Musik*, Vol. 11. Musikstrasse, 2008. Available at: https://www.youtube.com/watch?v=5eVT_ckimbc (accessed 08.08.2020).
17. Polka Zygmus: sung by Laura Aprile, Claudio Rotundi, Giuseppe Rutigliano, Daniele Miatto; director: Francesco Lotoro, *KZ Musik*, Vol. 9. Musikstrasse, 2008. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=AnsNJHoCrIU> (accessed 08.08.2020).
18. Black Boehm : from Camp Songs by Paul Schoenfeld, *Erich Parce, baritone and MOR ensemble*. Live performance (October 7, 2019. Seattle, Washington). Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=cYBUTSsO2BI> (accessed 08.08.2020).